

Два философа России — К.П. Победоносцев и Ф.М. Достоевский

Юлия Кудрина

*К 190-летию со дня рождения, 110-летию со дня смерти
К.П. Победоносцева — философа самодержавия, наставника
монархии, создателя гражданского права в России*

*«Ну что будет с Россией, если мы, последние
Могикане, умрем?»*

(Из письма Ф.М. Достоевского К.П. Победоносцеву
24 августа / 5 сентября 1879)

Величайшие философы, писатели и ученые, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX вв. в «эпоху мысли и разума», оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойденные до сих пор произведения культуры.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф.М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его, стоит ученый, философ, правовед, писатель, не оцененный современниками и потомками К.П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым на выбор исторического пути развития России, требует пристального внимания.

К.П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед — священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительственном сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х XIX в. он получил

известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 г. вышел в свет первый том «Курса гражданского права». По оценке газеты «Россия» (1907), «этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки».

Победоносцев быстро завоевал авторитет как знаток права. Крупный сановник, писатель Е.М. Феоктистов (1829–1898) писал, что Победоносцев «обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна и в литературе, и в науке, и даже в искусстве, обнаруживал он солидные сведения. Он все мог понять и о многом судил верно».

В публикациях ученых, писателей, философов и журналистов, в статьях и книгах XX в. оценки К.П. Победоносцева были очень высоки. А.Ф. Кони: «Ум острый и тонкий, непрерываемый авторитет». Б.Б. Глинский: «Явление необычайного порядка». Н.А. Бердяев: «Духовный

К. П. Победоносцев.
Портрет работы
А. В. Маковского.
1899. Русский музей
(С.-Петербург)

вождь монархической России». В.В. Розанов: «Доблестный и малопонятый государственный муж». Г.В. Флоровский: «Символ эпохи». По характеристике С.Ю. Витте это был «редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности». Поэт Александр Блок сказал о Победоносцеве и его эпохе в поэме «Возмездие» (1911): «Он дивным кругом очертил Россию, взглянув ей в очи стеклянным взором колдуна».

Многие знавшие его констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского (сочинения Фомы Кемпийского, Августина Блаженного), английского (переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона), а также с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далеких

от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык «Нового Завета». Он также написал «Историю Православной церкви до начала разделения церквей».

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 г. Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 г. стал членом законосовещательного органа Государственного совета, в 1880 г. — обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX в. с отменой крепостного права грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70 гг., проведенные Александром II, породили в огромной степени еще более острые проблемы и противоречия. По словам К.П. Победоносцева, «перестройка (термин из того времени — Ю.К.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции». Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б.Н. Чичерин) считали, что в России нет еще нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твердой государственной власти. В 1881 г. Чичерин писал: «Казалось бы, что совершенные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решительно проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни...».

Известный русский педагог С.А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III на престол, писал в своем дневнике: «Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией и единственный оплот против всеобщего безумия — Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только ее призрак. Если государь не возьмет всего в руки сам — потрясения неизбежны».

«Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией и единственный оплот против всеобщего безумия — Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только ее призрак. Если государь не возьмет всего в руки сам — потрясения неизбежны».

К.П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к ее историческим традициям. Философ Василий Розанов писал о нем: «Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы».

* * *

«Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо... потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей как Вы — решительная для меня поддержка».

(Из письма Ф.М. Достоевского К.П. Победоносцеву, август 1880)

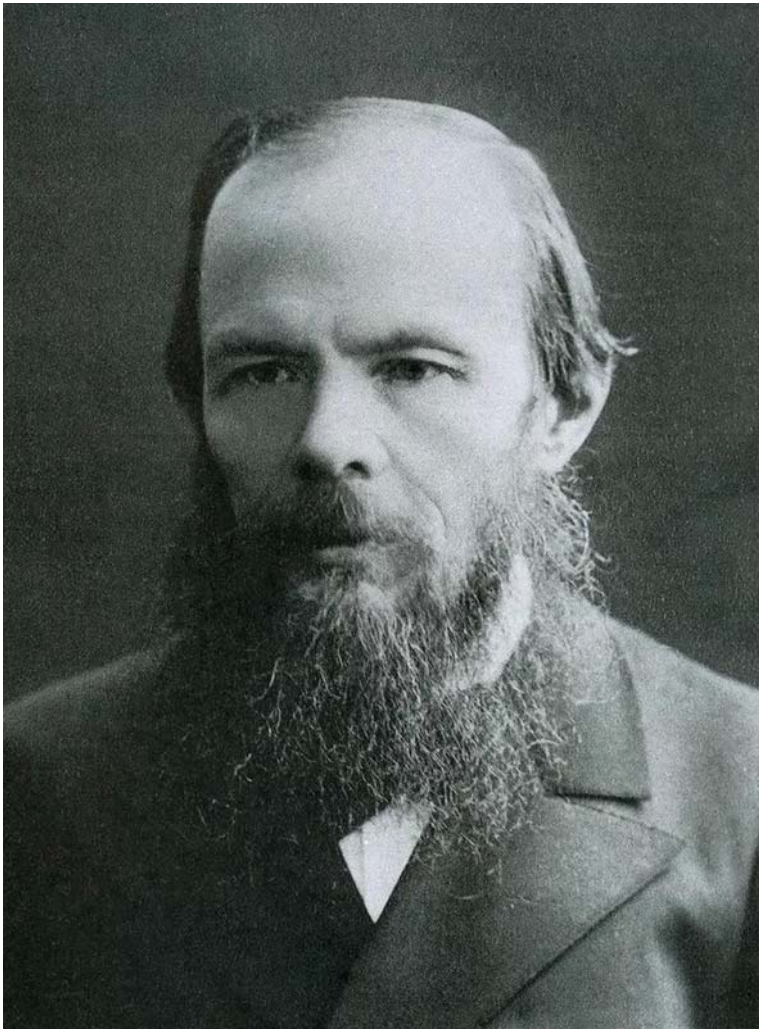
Летом 1873 г. Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала «Гражданин», работая с ним вместе над

редактированием поступающих в редакцию материалов. Из письма Ф.М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 г.: «Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне придет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал мое «Преступление и наказание» (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела еще не совсем плохи».

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить: ему надоело слушать «болтовню» на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А.Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли».

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И.С. Аксаков, А.Н. Майков, А.А. Фет, Я.П. Полонский, художники В.М. Васнецов, И.Н. Крамской, композиторы П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков и многие-многие другие. Но дружба, возникшая между К.П. Победоносцевым и Ф.М. Достоевским, носила особенный характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф.М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, «противником реформ», наставником царских детей К.П. Победоносцевым. В действительности, эти два человека в столь сложный момент

Ф.М. Достоевский

Российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешен в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги, в его мировоззрении произошел резкий поворот.

«Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой ... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский».

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала «Гражданин», откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и вне-

шней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заостренность. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке приобретают большую популярность в широких общественных кругах и в верховной государственной власти.

* * *

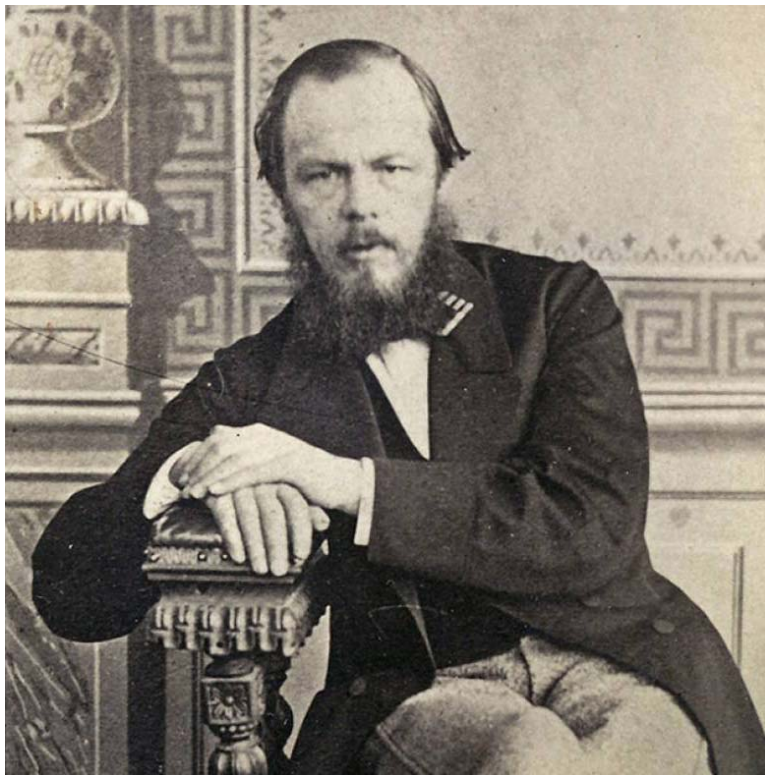
«Очень бы желал Вашего мнения ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень».

(Из письма Ф.М. Достоевского
К.П. Победоносцеву, 24 августа / 5
сентября 1879)

Из переписки двух философов видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его «Дневника писателя», давая в каждом выпуске обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 г.: «С будущего же года, уже решил теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибежал и в оны дни) за указаниями, в коих, верно горячо, мне не откажете».

«Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой ... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский». «Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске “Дневника”, — писал в ответном письме 2 августа 1880 г. Победоносцев. — В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твердо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть блядословят сколько угодно: Ваша речь найдет себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок».

Они познакомились зимой 1871/72 г. в доме князя В.П. Мещерского, регулярно встреча-

Ф.М. Достоевский

лись в петербургских салонах на «средах» у князя В.П. Мещерского, на «пятницах» у Я.П. Полонского, на вечерах у великого князя К.К. Романова. Но самыми творческими были их встречи по субботам на квартире К.П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, на которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф.М. Достоевского, длились далеко за полночь. «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К.П. Победоносцев И.С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей». Благодаря жене Федора Михайловича — А.Г. Достоевскую — за присылку нового издания «Братьев Карамазовых», К.П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 г. писал ей: «В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа».

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни, одинаково их оценивая, высоко ценили православие, верили в свой народ. 19 мая 1879 г. Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Pro et contra”, о богохульстве и опровержении богохульства: «Богохульство это взял, как сам чувствовал

и понимал сильнее, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его».

«В беседах Победоносцева с Достоевским, — пишет исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 г. сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его романов». Л. Гроссман проводит параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского».

* * *

«...Примите уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности. Ваш приверженец и почитатель».

(Из письма Ф.М. Достоевского
К.П. Победоносцеву)

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над «Карамазовыми» было очень значительным. Федор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывов, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился своими планами и замыслами. Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 г.: «Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге «Карамазовых». Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р.В. («Российский Вестник» — Ю.К.) ...».

«...“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году ... к этому Вы нравственно обязаны», — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме.

Федор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы «дух лечить» и «ловить слова напутствия» и особо подчеркивал «полную идейную солидарность». «Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе

К.П. Победоносцев

прекрасное ободрившее меня письмо, — писал Федор Михайлович в августе 1880 г. — Именно ободрившее, потому что я, как человек, всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю ... мнение таких людей как Вы — решительная для меня поддержка». Из письма от 19 мая 1880 г.: «Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения».

«До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить».

24 августа/5 сентября 1879 г. Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге «Русский инок» и в конце письма замечает: «...Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью». Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые

испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубококом его уважении к нему и полном взаимопонимании: «До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль, ну что будет с Россией, если мы, последние Могикине, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?»

Федор Михайлович в своих письмах постоянно выражает свое восхищение перед личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 г.: «...За Вашу драгоценную деятельность слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в «Московских новостях». Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский».

Незадолго до своей смерти К.П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 г. вдове писателя А.Г. Достоевской напишет: «Немного уже осталось старых друзей его — и я еще доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Мое знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею «Гражданин». А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы «Карамазовых», которые писал тогда».

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К.П. Победоносцевым. Его критические отзывы на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для его творческого воплощения.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известный художник-психолог М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая приезд Победоносцева на открытие Владимирского Собора в Киеве в 1896 г., напишет следующее: «А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намека на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идет об освящении Владимирского Собора в Киеве, в росписях которого участво-

Ф.М. Достоевский

вали Васнецов и Нестеров — Ю.К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не «победоносцевски», а просто, задушевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф.М. Достоевским».

К.П. Победоносцев был одним из первых, кто оценил духовную сторону творчества Достоевского, его публицистический талант, гражданский подход и высокую религиозность. По своему критическому уму, творческому анализу, идейной направленности он был чрезвычайно близок самому Константину Петровичу.

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углубленное видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба фи-

лософа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 60-х годах XIX в., которые окажут на Россию и весь мир большое влияние. Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует «чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Препятствия, прежний порядок отошел безвозвратно... Все переходное, все шатающееся...» После написания «Преступления и наказания» он заметил: «Порассказать таково то, что мы все русские пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат, что это фантазия!» Оба философа были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

По мнению Федора Михайловича, Россия уже тогда стояла перед революцией. «Колесилась над бездной» — так определил эту ситуацию писатель. Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путем восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, религии, православия, церкви: «Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его». Самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: «У нас русских, — писал он, — конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире — нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом. Народ — сын царев, а царь — отец его».

Победоносцев считал, что самодержавная монархия гораздо более откровенна перед своими подданными, ибо в ней нет лживости представительного правления. Переключаясь с Достоевским, он в «Морском сборнике» отмечал: «Доверие массы народа к правителям основано на вере, т.е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твердых началах верования...».

По мнению Константина Петровича, «убережет народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, связанной с церковью».

По Достоевскому, «нравственные идеи народа даются религией или формируются на-

К.П. Победоносцев

родной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

«Всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ни русского народа, ни русской народности...»

У нас вся народность основана на христианстве. Слово «крестьянин», слово «Русь православная» — суть коренные наши основы. У нас русский, отрицающий народность (а таких много) есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ни русского народа, ни русской народности...».

Согласно идейному наследию Достоевского и Победоносцева, союз Церкви и монархического государства определен историческими особенностями России, и по мнению обоих философов, был союзом жизненно необходимым. Монархическая власть, стоящая на православной вере, являлась главным фактором формирования и развития национального самосознания, а отсюда культурного развития в самых разных областях русской жизни.

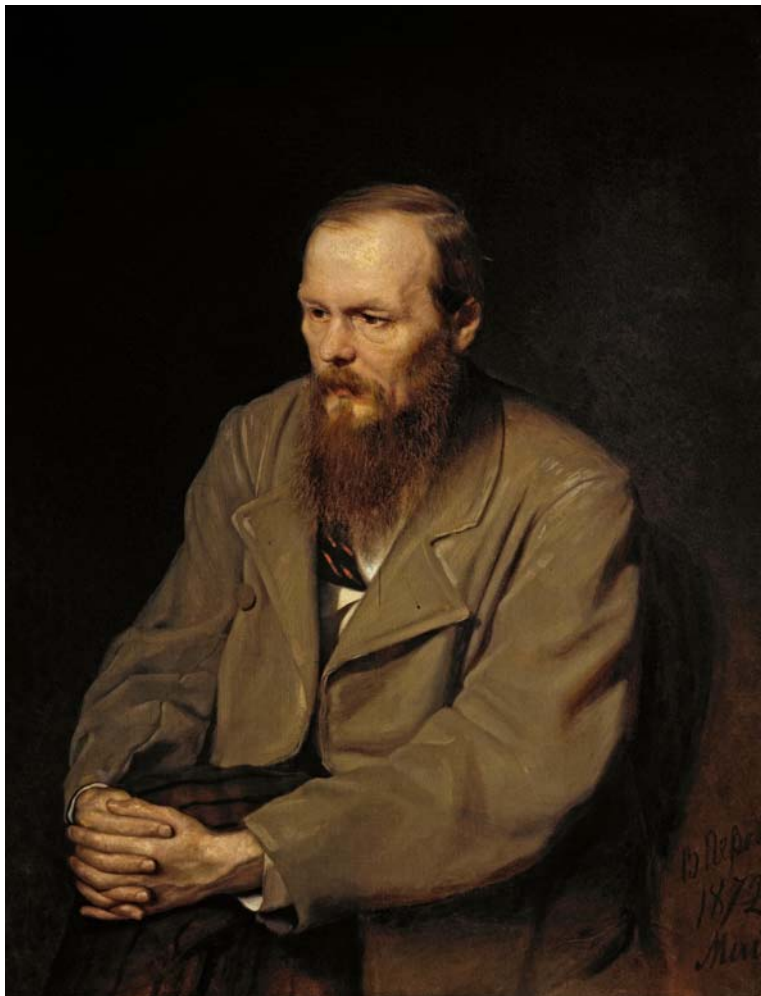
«В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая ее спасла, — писал Победоносцев. — Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасет сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России — сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они не исходили».

Федора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий как «реформы», «демократия», «либерализм», «свобода», «народоправие», «роль интеллигенции в обществе», «нравственность». Оба философа задавались вопросом: в какую форму отольется европейский опыт в России?

«Они (европейцы — Ю.К.) признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами, — писал Достоевский. — Они признают нас за воров, укравших у них просвещение, в их платье переодетых. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать... Европа нас готова хвалить, по голове гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считая низшими себе как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями».

Развивая эту мысль, Достоевский в «Дневнике писателя» размышлял: «...русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способна изо всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта, это никакая другая, это лишь нравственная черта...»

Портрет
Ф.М. Достоевского
работы В.Г. Перова.
1872. Третьяковская
галерея

В «Морском сборнике» К.П. Победоносцев напишет: «Горький исторический опыт показывает, что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления — самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества... Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее — суть проявления единой воли, — и без этого немислимо никакое правительство...».

По мнению Победоносцева, «парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей».

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия «свободы», о котором так много шума подняла тогда либеральная пресса. «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, — писал Достоевский в «Дневнике», — тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнутого такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому

себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему... Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем, это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег».

Рассуждая об интеллигенции, Достоевский призывал ее «на время замолкнуть», «послушать голос народа» и «поучиться у него социальному непониманию».

Характеризуя основные черты русского либерализма, Федор Михайлович писал, что это «страшное презрение к народу... Русскому народу ни за что в мире не простят желаний быть самим собой... Все черты народа осмеяны и преданы позору... вера, кротость, подчинение воле Божьей. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти». Что касается либералов, то Достоевский в подготовительных материалах к «Бесам» (1870) в их адрес делал следующие оценки: «Наши либералы — самые отсталые ретрограды... Партия национальная — лишь залог силы и будущности...»

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего развития России. Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... «Одной материальной выгодой, одним «хлебом» — такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ-любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого...».

По убеждению Достоевского, «нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всех освещающею мыслью, наконец, когда народ невольно признает верховных людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила, — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля». И далее: «Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается».

В романе «Братья Карамазовы» содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция «русского пути» была изложена Достоевским 8 июня 1880 г. в речи на открытии памятника Пушкина в Москве, написанная не без влияния Победоносцева.

К.П. Победоносцев

Царская власть высоко оценила и писателя Ф.М. Достоевского. Она признает его «как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний». Среди его почитателей — члены Императорской семьи, особенно ее молодые представители. Сыновья Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются

«Меня упрекают будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю».

произведениями Федора Михайловича. Знает книги Достоевского и Александр II. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодежи в православии и высоконравственном духе... Встречи с Федором Михайловичем оказались благотворными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер. Тесные контакты сложились у Достоевского с семьей великого князя Константина Николаевича.

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III.

В январе 1881 года, когда Ф.М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александру II — Ю.К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского». На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей, и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре.

Талант К.П. Победоносцева как и талант Ф.М. Достоевского были высоко оценены императорской властью. В судьбе Победоносцева важной вехой было его зачисление в 1861 г. Императором Александром II в группу авторитетных наставников будущих российских венценосцев.

Наставничество Победоносцева длилось десятилетия. Россия благодаря Александру III приняла идеологию монархической государственности и русской национальной самобытности, в противовес радикализму и революционному космополитизму, а император Александр III стал великим миротворцем и успокоителем нации.

В последние годы жизни К.П. Победоносцев писал, что истины о совести и Боге, чести, служении отечеству и своему народу уходят, а на место их приходит — торжество прагматизма, погоня за успехом, чинами и деньгами. Отвечая на выпады своих врагов в последние годы жизни, Константин Петрович писал: «Меня упрекают будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот — православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым». И далее: «Человек делает историю, но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всюю своей историей». ИБ